

Дороги в колдобинах, по обочинам лебеда и крапива. Кое-где побеги ивняка. Заброшены здешние края, забыты жители. С десяток дворов в деревне, но и те скоро опустеют. Вот отнесут на погост последних стариков, и наступит раздолье для сорняков да кустарников. Заполонят округу, затянут паутиной-порослью — и деревушка исчезнет. Холмики да старый погост с крестами напомнят прохожему, что в этом месте люди жили...

— Грунь, Грунь,— позвал старик, укрытый лоскутным одеялом.— Включи тарелку. Сводку послушаю.

— Ополоумел, старый,— бабка Груня, опираясь на старенькую клюку, подошла и присела на табуретку.— Какая сводка, ежели давно тарелки нет?

— Видать, приснилась,— прошамкал старик, рукой провел по лицу и взглянул из-под кустистых бровей.— Кто-нить заходил?

— Лекарка заезжала. Кучу пузырьков и таблеток привезла. Хотела тебя послушать, но я не разрешила будить. Она вздумала в больницу увезти тебя. Велела бельишко собрать. Сказала, в следующий раз заберет. Глядишь, поправишься. Архип Сифилитик заглянул, но я не пустила,— сложив руки на коленях, сказала старуха.— Он обещал вечером зайти, баламут этакий.

— Гони его в шею,— булькнул дед Корней.— Покоя нет...

— Сам выгонишь,— перебивая, сказала бабка Груня.— Твой дружок.

— Нутро горит,— старик показал на грудь.— Вот туточки. Помру я, Грунь.

Взглянув поблекшими глазами, баба Груша задумалась, потом проворчала.

— Не болтай, Корнейка,— она посмотрела на худое лицо старика.— Всех отнесут на погост, когда время подойдет. Никто еще не задержался на этом свете больше, чем ему положено. Чуток погоди, отвар налью.

Баба Груша вышла из горницы, загремела посудой и появилась, держа старую кружку. Пришептывая, она придержала голову старика и поднесла отвар.

— Пей, Корнейка,— сказала она.— Свежий заварила. Глони маленько, полегчает.

Старик закашлялся. Тонкая коричневатая струйка потекла по щеке.

— Все, больше не влезает,— он нащупал полотенчик, вытер лицо.— Видать, лишку глотнул. Оставь. Потом допью. Батяня приснился. Будто сено возили с ним. Стог сметали. Батя подавал навильником, а я утапывал. А маманька внизу ругалась, что могу под вилы попасть.

— Значит, трава уродится — это хорошо,— прошамкала старуха.— Правда, некого кормить. Скотинку продали. Вон, Клавка Лещиха козу отводит за огороды, а

весенняя травка махонькая, сочная, вечером молочка надоит и разносит по дворам. Куда одной-то столько выпить? Нам кружечку принесла. Скусно — страсть! — бабка Груня причмокнула. — Я чаек разбелила и с хлебушком повечеряла.

Бабка Груша замолчала. Опершись на клюку, она сидела, о чем-то думала, качала головой, взглядывала на старика и опять задумывалась. Изредка проводила сухонькой ладошкой по морщинистому лицу, поправляла седую прядь волос, разглаживала складки на залатанной юбке и опять — думы, думы, думы...

Пестрая кошка запрыгнула на кровать. Потерлась башкой об руку старика, прижалась к нему и замурчала: громко и протяжно.

Прикрытый одеялом, дед Корней лежал, в груди побулькивало, когда старался вдохнуть поглубже, но получалось мелко и редко. Старик приподнимал руку, смотрел и не узнавал ее. Казалось, недавно дрова готовил, возился по хозяйству, а потом расхворался, и сейчас была не рука, а сухая палка, обтянутая кожей. Ушла силушка-то, ушла. Скоро и сам уйдет. Не зря багя с мамакой приснились. Наверное, зовут...

— Дед, уснул, штоль? — похлопала по одеялу баба Груня. — Что-то притих...

— Нет, — завозился старик. — Смотрю, ты сидишь и не шевельнешься. Посчитал, ты задремала. Я належался, аж бока болят. До весны дожили. Наверное, хорошо на дворе. Весна, тепло...

Старуха махнула рукой.

— На улице хорошо. Давеча к Борзунихе бегала, гляжу, деревца листочки всюю пустили. Страсть, какой дух!

— Груш, а ты сообщила нашим, что я помираю? — дед Корней заерзал на койке. — Приедут, аль как? Ну, попрощаться...

— Опять за свое взялся — помру да помру, — прошамкала старуха. — Зимой отправляла письмишко, когда расхворался, до сей поры молчат. Наверное, сгнуло в дороге. Шутка ли, до них тыщу верст, может поболее. Недолго и затеряться.

— Нет, Грунь, не приедут, — мотнул головой старик. — Далеко добираться. Умotalи на край земли и живут, в ус не дуют. Много они бывали в деревне? Три весточки прислали и два разочка приезжали, недельку отлеживались, а больше ни ногой сюда. Заняты! Слышь, а кому избу оставишь?

Бабка Груня нахмурилась. Сидела, постукивая клюкой по щелястому полу, смотрела в оконце, за которым всюю зеленели кусты, окинула взглядом старую избу и махнула рукой.

— Да никому изба не нужна, — сказала она. — Вон в деревне, кто-нить отдаст богу душу, отвезли на погост, заколотили избу и стоит она, покуда не рассыплется, пока на дрова не растащат, ежели зима суровая. Много сюда вернулись из городов-то? Да ни один не появился. Отвыкли от нашенской жизни, далеко от земли ушли.

— Грунь, домовину приготовили? — забулькал дед Корней. — Долго не держи меня в избе — спорчусь, завоняю. Сразу отнесите на погост, сразу.

— Тьфу, чертяка болтливый, — бабка Груня поджала губы и перекрестилась. — Типун тебе на язык! Завоняет... Ишь, какой выискался! Да чему вонять-то — кожа да кости остались. Ты бы кушал, Корней...

— Не хочу, — старик заелозил по одеялу.

— А я щи из молодой крапивки сготовлю, — сказала старуха. — Страсть, какие вкусные! Сметанки нет, но молочком забелю. У Клавки Лещихи возьму. Похлебаешь.

— Ладно, похлебаю, — прошамкал дед Корней, надолго закашлялся. — Все плохо, все...

— Что — плохо? — не поняла бабка Груня. — Что городишь, старый?

Старик молчал, прикрыв глаза, потом сказал:

— Плохо, ребятки не приедут. На внука бы взглянуть. Наверное, большенький стал.

Задумавшись, бабка Груня шевелила губами, что-то шептала и покачала головой.

— Дед,— она стала загибать скрюченные пальцы,— неужто у трех сыночек всего один малец родился? Сколько нашему младшенькому, Витяньке? О, ты не помнишь! Почитай, за тридцать перевалило. А старший, Валерка, поболее всех прожил. Получается, у каждого сынка есть детишки, а может и внучатки бегают.

— Видать, забыл,— булькнул старик.— Фотография-то одна. Другие не присылали. Вот и получается, внук один, а про остальных и слыхом не слыхивали. Ладно, когда Валерка уехал на заработки, других переманил. В одном городе живут — скучковались. А сюда не приезжают... Может, заняты, может далеко — не ведают.

— В каком городе? — бабка Груня махнула рукой.— Они на краю земли в поселке живут, у черта на куличках. Господи, прости мою душу грешную! Занесло, где Макар телят не пас. Вот тебе и длинный рупь! Сказывали, там люди возле моря живут, а ездят отдыхать на другое море. Зачем — не понимаю, будто своей воды мало. Вот и хмыздают с моря на море, и получается, что времени не хватает, чтобы до нас добратся. Поэтому носа не кажут. Ну ничего, ничего... Когда-нить образумятся и навестят.

Старик вскинулся и зашарил рукой по одеялу.

— Грунь, дай-ка отвару испить. Душа не на месте, поджилочки трясутся.

Баба Груня засуетилась. Схватила ковшик, налила отвара, наклонилась над стариком и, пришептывая, стала поить. Потом забрякала пузырьками на комод, на капала капли и заставила старика выпить.

Дед Корней поморщился, поворочал языком, и опять шевельнул рукой.

— Полегчало? — спросила старуха.— Может, покушаешь?

— Не хочу,— сказал дед.

Заскрипела дверь. В избу ввалился крепкий сутуловатый старик. Сбросив галоши, он снял замурзанную фуражку и протянул пакет.

— Накось, Грушка, рыбку,— прогудел он, подошел к кровати и уселся на расшатанную табуретку.— Здорово, Корней! Свеженьких линьков принес. Пусть бабка заварит юшку. Дюже полезна для организма,— и прихлопнул по коленям заскорузлыми ладонями.— Скажи мне, друг ситный, почему я такой здоровый? Ни одна хвороба не берет. Не знаешь? А я скажу... Лучок с чесночком да рыбки побольше — вот и здоровье будет. А ты вредный, ехидный и желчью харкаешься, поэтому все болячки собрал. Понял, старый хрыч?

— Ты, Сифилитик, каким был трепачом, таким остался,— прошамкал старик и заелозил на койке — все же обрадовался, что сосед зашел проведать, но привычно заворчал.— Марш из моей избы, куда оглоблю не испробовал!

— О, ругается, шельмец, значит, будет жить,— дед Архип шлепнул свернутой фуражкой по ладони.— Подыму тебя на ноги, подыму! Ну, а ежели не поставлю, рядом улягусь. Пущай вместе закапывают на мазарках. Так и знай, друг ситный!

— Уйди с глаз моих, ирод,— забеспокоился старик.— Всю жизнь плешь проедал. Угораздило на фронте встретиться — там житья не давал, в деревню вернулись, ни одного дня спокойно не пожил, а теперь еще на тот свет со мной собрался. Грунька, выгони Сифилитика. Марш отселева, ирод!

— Грушка,— хохотнул дед Архип.— Лучше налей по стопарику! Мы за завтрашний праздник выпьем.

Старуха выглянула из кухонки и намахнулась на соседа грязной тряпкой.

— Я дам — стопарик! — она нахмурилась.— Ты, Архипка, башкой думай, что городишь. Корней хворает, а ты — выпьем! Что за праздник? — старуха подошла к календарю, оторвала несколько листочков и охнула.— И взаправду, праздник. Корнейка, завтра же День Победы. Твой день, старый, твой!

— Вот говорю, что нужно выпить,— прогудел дед Архип.— Помнишь, как вернулись? Шли по деревне — медали сверкают, а девки стреляют глазками, стреляют. А не забыл, как после войны всей деревней отмечали? О, как гуляли! Да, были времена... Столы расставим в осиннике, хозяйюшки хлопочут, запасы приносят, на столы

расставляют, а потом садились, и начинался праздник. Да, были времена... — и старик задумался.

— Разве такое забывается, — неожиданно рассыпалась смешком баба Груня. — Помню, как девки от тебя шарахались. Ни одна не хотела с тобой гулять. Вот уж привез подарочек с войны, Сифилитик!

Дернув себя за клочкастую бороду, дед Архип хохотнул.

— Эть, припаяли прозвище на всю жизньюшку! — опять хлопнул по колену. — С финской войны дома не был. Вернулся, организм не выдержал. Весь покрылся чирьями, весь! По улице вышагиваю, вся грудь в орденах, а от меня, как от прокаженного, шарахались. Все, сифилис привез! А потом не то, что выйти, сидеть не мог. Одежку натяну, а снять не получается — прилипла. Батя глядел на меня, а потом раскусил, отчего чирьяки повыскакивали. Поставил настойку из яичек с медом да молочком. Когда выпела, вечером привел меня на конный двор, одежонку содрал, раскопал конский навоз, который горел, и велел ложиться. Я в яму улегся, он засыпал меня, только лицо из дерьма торчало. Сказал, чтобы до утра лежал и не двигался, сам пошел баню готовить. Вся деревня сбегалась, чтобы на меня поглазеть. И Корнейка, мой друг ситный, стоял и посмеивался. А я лежал и чувал, как по телу букашки и червяки ползали. Щикотно, а шевельнуться нельзя! Ох, кое-как дотерпел до утра. Батьку дождался, он разгреб навоз и я, как был голышом, так и сиганул по деревне. Утро, все на работу идут, бабки возле домов сидят, а я, жердина двухметровая, нагишом несусь. Вся деревня в лежку лежала! Да были времена... — старик замолчал, потом опять в который раз принялся рассказывать. — Ох, как батя венником парил — страх! Отольет холодной водой, в чувство приведет, плеснет на каменку и снова за венник берется. В общем, я на карачках оттуда выполз. А батянька холстину обвязал на поясе и заставил стоять голышом на солнце, чтобы раны покрылись коркой. О, друг ситный, легче в атаку сходить, чем такие мучения принимать! Едва вечер наступил, он заставил выпить стакан самогонки, привел на конный двор и снова меня закопал. А утром в баню. И так три дня гонял. Потом достал эту настойку, и заставил пить. Воючая, зараза! Недели не прошло, я стал поправляться. Новые чирьяки не вылазили, раны затягивались и я ожил. С той поры ни разу к лекарям не обращался. Едва начинаю хворать, делаю настойку из яичек с молочком, как батя научил, и принимаю. Все болезни как рукой снимает. Вот, о чем говорю, Корней, что тебе надо настойку попить. Мертвого на ноги поднимет, а тебя и подавно. Я утречком принесу. Настоялася. Солью, себе оставлю, тебе притащу и начнешь принимать. Слово даю, еще побегаешь, друг ситный! — дед Архип шлепнул ладонью по колену и поднялся. — Все, пора домой — вечереет. А ты, Грунь, юшку приготовь из линьков. От нее нутро заработает. На себе проверял. Ну, Корней, до завтра! Утречком заскочу, праздник отметим. А ты, бабка, не ругайся, — он оглянулся. — Забыл спросить... Ваши пишут? Ага, понятно... Вот и мои разгильдяи помалкивают. Значит, нормально живут. А ежели плохо, давно бы примчались. Ну ладно, пойду, — и, наклоняясь, чтобы не удариться лбом, вышел.

На улице смерклось. Баба Груня зашла в горницу. Старик лежал, укрытый одеялом. Изредка заходил в кашле и начинал елозить рукой по одеялке, словно хотел скинуть, чтобы вздохнуть глубоко и спокойно.

— Корней, просьпайся, — затормошила старуха. — Ушицей покормлю тебя.

— А? — дед Корней встрепенулся.

— Ушицу похлебай, — баба Груня присела на табуретку, зачерпнула и осторожно поднесла ложку. — Кушай. Вкусная юшка, сладкая. Хотела щи сварить с крапивкой, но Сифилитик велел ушицу сделать. Рыбка полезная для нутра. Размяла ее, чтобы легче глоталось. Хлебай...

Старик давился ушицей, затажно кашлял, подолгу жевал беззубыми деснами юшку, острый кадык дергался и опять открывал рот, словно птенец. Баба Груня зачерпывала, понемногу вливая в рот наваристую уху и шептала, посматривая, как дед кушал.

— Вот и, слава Богу, наелся,— сказала она, заметив, что старик плотно сжал губы.— Вкусная ушица? Я тоже похлебала. Чуток осталось. Позавтракаешь.

— Вкусно,— булькнул дед Корней.— Внутрях затеплело.

— Значит, поправишься и будем жить,— закивала головой баба Груня.— Глянь, сколько выхлебал — ложек десять, не менее. Архипка же обещал, что поставит тебя на ноги. Ежели Сифилитик сказал, значит так и будет. Настырный — страсть!

Поднявшись, она поправила подушку, старенькое одеяло, чтобы дед не замерз. Прошаркала на кухоньку. Погремела посудой. Взглянула на ходики. Протяжно зевнула и мелко перекрестила рот. Налила немного отвара, и вернулась в горницу. Опять присела на табуретку, посмотрела на старика и чуть приподняла голову.

— На, глотни,— сказала она.— Немного поспишь. А утречком Архипка придет. Искушаем тебя. Пиджачок с медалями достану, рубаху чистую. Посидим, праздник отметим. Так и быть, налью по рюмочке и сама опрокину с вами.

Старик забеспокоился.

— Дай,— зашамкал он и задвигал рукой.— Дай пиджак.

— Эть, неугомонный,— заворчала баба Груня.— Спи! Завтра вытащу, завтра. О-хо-хо, глазоньки слипаются. Что-то умаялась.

— Дай,— затревожился старик и стал тянуть одеяло.

Баба Груша поднялась, задернула занавески на окнах — сразу в горнице потемнело, подошла к кровати и зашуршала, снимая покрывало.

— Спи, старый,— она заворчала.— Ночь на дворе. Никуда твой пиджак не денется. Спи, сказала...— заскрипели пружины, и наступила тишина.

Светало, старик заметался, стараясь сбросить одеяло.

— Дай,— забулькал он и закашлялся.— Грунь, Грунька...

Позевывая, баба Груня приподнялась, прислушалась к тишине, перекрестилась и, укрывшись одеяльцем, вскоре засопела.

...Едва взошло солнце, донеслись тяжелые шаги. Распахнулась дверь, в избу ввалился дед Архип, с подстриженной ровной бородой, в рубахе, брюки заправлены в сапоги и в пиджаке, сплошь в наградах.

— Корней Петрович, Аграфена Васильевна, с праздником! — забасил он, держа банку с белесой жидкостью и бутылку.— С Победой, солдат! Ну-ка, поднимайся. Сейчас наши фронтовые выпьем. Что притихли? — он направился в горницу.

Дед Корней лежал на кровати, на груди пиджак, на котором были потемневшие от времени медали. Рядом сидела баба Груня и неслышно плакала, вытирая слезы платком.

— Корней, как же так, неужто не дождался меня? — банка выскользнула и грохнулась на щелястый пол, резко запахло лечебной настойкой, дед Архип дернул себя за бороду и присел на табуретку.— Я пообещал, что поставлю на ноги, а ты взял и помер...

— Когда же покой будет? С грехом пополам задремал, а его принесло — чертяку безрукого,— дернувшись, пробулькал старый Корней.— Грушка, гони этого охломона. Ишь, чего удумал — помер. Всю жизньку ждешь, чтобы меня первым снесли...

— А я же взаправду решил, что ты того... Бабка плачет, а ты лежишь и не шевелишься, только нос из подушки торчит, а оказалось — дрыхнешь, зараза такая... Значит, будешь жить! Чуток подожди. Вернись, гулять будем,— дед Архип засуетился и затопал к выходу.— Сейчас приволоку настоечку. Свою банку отдам. Да я для тебя... Да я тебя с того света живым верну. Эх, дружочек мой,— и выскочил, хлопнув дверью.

— Вернешь, Сифилитик,— вслед пробулькал дед Корней и взглянул на жену.— Где моя стопка? Не ворчи — грех. Сегодня праздник. Светлый день.

И дед Корней медленно заелозил, стараясь прислониться к спинке кровати.

А за окном была весна, и всюю заливались птицы.